

Што Принесла Нам Война

Оповіданье бывшего солдата австрийской армии,
участника Світової Войны.

Написал
ИВАН ЯЦОШ

ЦІНА 5 ц.

ТИПОГРАФИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА

2490 Professor Street,

Cleveland, Ohio.

1935

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS AND ARCHITECTURE

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

100 EAST EAST

CHICAGO, ILLINOIS

60607

1950

1950

1950

1950

1950

1950

1950

1950

1950

Што Принесла Нам Война

ОПОВІДАНЬЕ БЫВШОГО СОЛДАТА АВСТРИЙСКОЇ АРМІЇ, УЧАСТНИКА СВІТОВОЇ ВОЙНИ

БЫЛО то 1914 рока, юля 28, я косил рано траву со своим отцом и не знал о ничом, што мало наступити. Нараз чую, як ктоси кричит на всю силу: "Война Война!" Приходит он ближе к нам, мы смотриме, а то был урядник сельский. Кричит, штобы каждый, кто належит до войска, оставлял роботу, жинку, діти, отца, маму и село, бо ктобы ся остал до вечера, то біда с ним буде.

То я уж был одобраный и мусіл ийти на войну Австрию боронити. И боронил я тоту Австрию за 4 и пол рока, но на остатку чорт взял царя и Австрию, так всьо ся скончило. Але што со мною поводилося за тот час світовой войны, то была бы велика книга, як бы хотіл всьо описати. Тут я хочу подати скілька фактов и приміров, штобы каждый мог порозуміти, што то значыло быти участником світовой войны.

Война то значит жытя або здорова свое утратити, а то не мала річ, особливо як не знаеш, за кого и про што. Минувшого літа я робил за яку 3 місяцы и мал способность говорити с англиками, а и со всіми другыми, што нас было из 6 народностей, котры робили разом, то я им росказувал, што со мною случилося на войні, и дуже их того интересувало. Так я думал, што и для чытателей "Лемка" буде интересне мое оповіданье.

Перший раз я был раненый до руки и достался до шпыталя коло Кракова. Там нас дали 7 вояков до одной комнаты. Из шматя нас зоблекли и шмате того дали до одной кайсны, а нас облекли до чыстого. На рано приходит доктор, и показывают йому тоту кайсну, што в ней было шмате, то не видно было от вушей ани троха дошки: так обсіли вушы тоту касну (або баксу), што повылазили зо шматя. Як увиділ то доктор, то росказал вынести на двор, поляти нафтом и запалити. Так всьо згоріло.

Кто не был на войні, то йому дуже тяжко порозуміти,

што то значит за пару місяцев шматя не змінати, за два, а часом 4 дни по пару годин в болоті спати, а часом два и три дни нічого не їсти. Часом перейде місяц, што до ниякой хаты не ввойдеса ани на годину, а все на дворі, ци дощ ци сніг, ци голоден, ци здоровый—до того часу, доки мог на своих ногах ходити, а як упал, тогди уж осмотрили, ци направду нездоровый.

И так нас троха очыстили и назберали там оден транспорт, до яких 800 раненых. А то місто называлося Бяла, близ Кракова. Як нас так назберали, то нас отшыковали до Відня. То як зме уж были близко Відня, то по стациях приходило богато людей дивитися на раненых. И приносили дары, цигареткы, помаранчы и т. п.

В Відню нас дали до Марии Терезы Касарні, близ нового цисарского бургу, и там давали їсти дуже добре, пити вино и пиво, што кто хотіл. Але за два або три дни повідають, же приде ктоси подивитися на раненых. То было 1914 рока, 13 децембра. Мы цікавы были знати, кто то буде. И чуеме, што говорят, же царь прийде на нас подивитися, так всьо трясеся. И приходит сам Франц Іосиф до комнаты и говорит по словенскы: “Як се тади мате, хлапци? Не старайте се, война се скоро скончи, а по войне будут злате часы.”

И каждому давали дары. Два хлопы несли великий кош и кидали ружны річы — папиросы, чоколаду и помаранчы.

Але мене штоси то не тішило, бо на мысль все штоси друге приходит, и мороз перелітае от пят до головы и от головы до пят. А на мысль приходит то, як там на фронті жыєся, а як в місті; як там плачут ранены, котрых я виділ, як мене ранило, а нема кому им помочи. По друге, не мож забыти, бо ще не было пару неділь, як я то бачил, як оберлайтнант Ридл бил палицом 15 хлопов-вояков из мойой компании за одну консерву. То 25 палиц из цілой силы бил на голе тіло, а 4 хлопы тримали, 2 за руки и 2 за ноги, и так бил, што тіло остало чорне, а другы дивилися. А всьо то за одну консерву, што зыли без росказу. Можна, оден фунт мяса было в той консерві, и то не помогло нич, што за три дни не достали нічого. То было в Галичині, в селі Радомышле, пов. Колбушов, недалеко Тарнова, в 66-ом ав-

стрийском regimentі, 4-ой компанії. Може ще кто из лемков там был, то озвесья як свідок, што он зауважил из минувшой войны.

Як ся троха моя рука загоіла, то знова на фронт, но тепер на италийский, коло Триесту. Там дуже далеко вода была от нас, то пол літры воды мы доставали на одну добу. Але 24 юля 1915 р. талияне зачали штурмувати и так змішались, што не знали, куды фронт. И я лежу до рана. Рано дивлюся, то где ся хоч оден человек рушит, то там талияне с пару сто гранатов пустят. Так чекаю тихо до вечера меже двома фронтами. Раненых и побитых всяди видно, и чути, як кричат. Але ту біда, бо воды нема, уж два дни я не пил воды, то уж язык пальцами тягну, а не мож помочи. И почал я шукати, може до 20 убитых перешукал, але ани оден не мал воды коло себе.

На другу ноч то наши зобрали резерву и погнали талияна до заду, то я ся достал до своей компанії. Але я не знайшол из цілой компанії лем зо 20 вояков, а было нас в компанії около 260: решта всьо або побите, або ранене, або в плін попало.

Незадолго нас оттамале покликали на Сербию. 7 октября 1915 уж зме штурмували на Білград. Зачали канонами стріляти в ночи, то видно было, як в Білграді гранаты розвалювали дома и фабрики. Мы достали на 5 дней ідло и идеме к Дунайови. Там уж чекали лодкы, то нас брали по 40 вояков до одной лодкы, а 4 уж там были, што лопатами гнали лодку. Вода там доста шырока, може 2 километры, то зме виділи, як от нас на ліво уж были на середині, то сербы зачали стріляти ракеты и побачили, што тысячы лодок иде, то як найгорше могли стріляти из канонів и из гверов, то стріляли на нас. Котры мали час, то всьо метали до воды и ідло и консерву. Як потрафил шрапнель в лодку, то зме тилько лодку виділи, што показала хвост, як ся 44 вояков занурило в воду.

Каждый лем чекал, ци скоро до нашей лодкы потрафят. Так зме там виділи, як може до 30 лодок пошло под воду, але наша переплыла на другу сторону Дуная.

От нас на право были драгоны, то они троха скорше дошли на суху землю, а там были корчы, и они до тых корчов якося добили. Але чуеме крик и плач, а то там

были сербы, то на них напали и багнетами попробивали всіх на одной лодкі.

Але уж почало ся розвидняти, и там ем виділ дві пары, оден другого як пробил багнетом, то так оба лежали и багнеты в черевах оставили. А дале видиме росстріляных тысячы людей, змішали так канонами всьо, што тут голова, там рука и нога окремо. И тогды пришло мені на ум, як мы співали пісні, коли зме ишли до войска:

“Білоград, Білоград,
Долгы до тя мосты,
Там ся росстрілюют
Младых хлопцов кости.
Білоград, Білоград,
При Дунаю стоит,
Неоден младенец,
Там главку положит.”

И нас было в одной компании 268 вояков, то як зме перешли Сербию, Македонию, Албанию и Черногору пішки за 8 місяцев, то нас остало здоровых 7 вояков из тых 268, што зме ишли на Дунай. Всьо решта остали потоплены, ранены, убиты, хворы. Тилько 17 раз бой на штурм зме мали со сербами. Описати то все было бы за богато, бо то была бы ціла книга, але што головнійше, то хочу написати на корыст свого ближнього, штобы каждый мог лекше порозуміти ціль каждой sprawy.

Так я завоювал цілу Сербию. И дуже тішилися мадьяре, што войну уж выгнали. А нас дошыковали назад на италиянский фронт, до Тиролю, близко Пиявы. И зачали мы офензиву и забрали богато италиянов в плін. На 16 мая 1916 року уж мы были 60 километров в италиянском краю, коло місточка Арсиеро, то ся дуже италияне поставили и нашы не могли их выгнати. Там уж треба было штурмувати. И назначили 6 вояков из каждых 60 дроты різати перед италиянскими окопами, то и я попал медже тых 6.

То было уж в вечер, як раз солнце зашло, и на росказ мы мусіли ийти к италиянским дротам. Перебігли мы як найскорше и лемшто попадали зме на землю, же будеме на лежачи різати, як загучало штоси коло головы, и не пе-

перізал я дрота, бо сотки бомб и ручных гранатов из ита-
лянских окопов сыпалося на нас. И не виділ я ничего,
тільки чую плач, што кличе санитаров, абы го ратували.
Но не долго я того плачу слухал, бо за хвилюку трисне
гранат коло мойой головы, и кусок желіза кріз мою шыю,
кріз горло пролетіл. Я ся хоплю за шыю, то кровь льєся
так, што и в черевиках полно крови и уста полны крови.
И качаюся помедже велике каминя, але нема ниякой помо-
чы. За пару минут кровь почала холодніти и мені почало
ся поперед очы зміняти. Гранаты, шрапнели бьют, але я
лиш троха чую. И почал ем слабнути, што не можу ни
руком ни ногом рушыти и уж собі мышлю, што то напевно
я умираю. Думаю в сердци и хочу говорити: “Прощай,
жинко дорогая, отец любезный, братя и сестры милы и вся
родина”, але говорити не можу, бо шыя так запухла, што
не мож рушыти, и уста полны крови.

И так дале не памятаю, як долго я был без свідомости.
Але по якомси часі то я ся чую, як бы-м деси в зимном
шкірю лежал, а то кровь змочыла всьо сподне и верхне
шмате и затвердла. И чути, што дале стріляют, што с
правой стороны италяннов выгнали и санитары зберают
убитых и раненых. Я ся намагаю, же встану, але не можу.
И кричати не можу, бо кріз горло діра то ногом бью до
каменя, чей почуют. Так за хвилю пришли санитары и
забрали мене.

Санитары занесли мене до одной хаты. Але там было
богато раненых, то подивилса на мене оден фенрих, кот-
рый осмотрил мою шыю и каже санитарам, штобы взяли из
мого торнистра одну сорочку и обвили мою шыю, а так
штобы вынесли мене вон и положиыли до стайні, бо каже
им, што я и так помру, то и не варта со мною багато часу
заберати. “Як буде жыти до рана,” сказал фенрих: “то
на рано го осмотриме.”

Я слухаю и розумію, што говорит, але слова повісти
не можу, бо уста полны запеченой крови.

И отнесли мене до стайні и положиыли на землю, але
там уж была полна стайня тяжко раненых. Заперли стай-
ню, а мы лежыме, стогне каждый и чекае на смерть, коли
по него приде.

Але незадолго приводят одного кадета повязаного, а

он торгаться и кричит, шtbody го пустили. Але они го привязали к жолобови и заперли двері, а нас охабили во тьмі. И тот кадет набиває собом и торгат собом, и якости он отвязался и зачал по нас скакати. Коло мене оден мадьяр лежал, што мал прострілены кріз клубы, то як на нього скочил тот кадет и упал на нього с колінами, то раненый мадьяр дуже застогнал и за хвильку помер. А тот кадет так здрузгал мои ноги, што я думал, же поламаны. Но незадолго принесли санитары ищы одного раненого, то они злапали того кадета, бо он стратил розум, а нас так охабили на цілу ночь.

Рано приходят и берут по одному и несут на визиту к докторови. Принесли и мене, то доктор завил мі рану. На вечер пришли за нами и завезли нас до Роверето. Там был польовый шпыталь. Так третього дня взяли мене на операцию. И за три дни я ничего не іл, ни не пил, ни не говорил. Оттамаль нас отвезли до Инсбрука, в Тиролю, а так дальше до Братиславы.

За 7 неділь я ся выздоровіл, и знова на фронт. И знова был раненый два разы до ноги и до плеча, але не дуже тяжко.

И так в децембру 1917 року уж не дали істи досит, што мы почали голодувати. И воякы почали красти. Того часу мы были в Галичині, в селі Швайкивці, коло Чорткова. Там было богато бандурок на полю, в копах загребены, то пошли из нашей компании два воякы в нocy и набрали може по бушльови, но их там злапали и привели назад. На вечер ціла компания мала ся поставити о 8 годині на росказ капитана на одну луку и пришол оден лайтант и каже, што за дві години нас буде мучыти в том болоті за тых двох вояков, што брали бандуркы. Але они их не іли, ани мы, то нас дуже злосьть напала, и всі скричали, што не будеме за тых двох покутувати. Тот лайтант скричал, же застрілит на місци того, кtbody ся отважил не послухати росказу. Але в тот час всі 260 вояков крикнули: "Давайте хліба! Мы голодны, мы хочеме істи!"

Наш лайтант ся дуже настрашил и вытягає револьвер и страшит, што буде стріляти, но мы всі скричали: "файер!" и всі разом понад його голову выстрілили сальву. Он от страху упал на черево, а коли почул, же ищы жьє, то скочил на ноги и втікал ку офицерам.

За хвилю присылають офіцери ку нам свого ординанца, и тот повідат, же як не послухаємє росказу, то каждого третього из нас убьют. Но не пришол никто ку нам, бо офіцери были настрашенє, а мы пошли собі каждый на свое місце.

На рано горнистр трубит, и мы ся зышли цілый баталіон, то был 59 дивизии штурм-баталіон, и капитан каже, же кто йому повіст, кто нас нарадил на се, то достане 300 корон и місяц урльопу. Коли никто не отозвался, то капитан кличе одного цигана и ся його просит, кто был перший, а циган му повідат, же всі были голодны и не могли ексецирувати, бо хотіли їсти. В тот час капитан стиснул коня, и конь просто на того цигана скочил так, што циган ся два разы перевернул.

Нас розділил меже другы компании и росказал нас мучыти. Але на другу ночь написали капитанови одно велике писмо и в ночи приліпили на двери, где он спал, и як он тото писмо прочытал, то дораз послал по селі шукати, што кто має продати для їды, и всьо што было купувати. И мы достали другого дня богато їсти. И назад он стал добрым чоловіком.

Але што в том листі было, то знали лем 6 вояков, а каждый писал оден шорик, абы не познали, же кто писал.

II

В тот час Австрия и Германия зробили союз с Украином. Якийси Павло Скоропадский и с гайдамаками, а и с нами, то зме будували самостийну Украину. И зачали мы от Гусятина большевиков гнати и закладати самостийну. Перешли мы Ярмолинцы и до Проскурова. Там уж с откальси появились тоты дармоїды, што их выгнали роботники.

Проскуров доста красиве місточко. Там мы почали шукати всьо, што из фольварку розобрали наоколо Проскурова: оден корову, другий телігу, инший зерно. Кто сколько пшеницы взял, то всьо мусіли бідны селяне назад нести на фольварок, бо гайдамакы то дуже остро карали. Кто бы сказал дашто противне, то дораз кулю в голову.

И приходит с ними священник, и дає распорядженя, и службу божу правит, што Бог послал Австро-Германию,

штобы сей небеспечный народ, то-ест большевиков, вынн-
щити, а поставити самостийну Украину. И напоминал, што-
бы люде уважали на приказы их, бо если бы кто не послу-
хал приказу, то може животом заплатити.

Одного разу пошли мы на якы 5 верстов от Проску-
рова, там была больша фабрика цукрова и богато малых
хат. И пытаюся одного старого чоловіка: “Як ся вам живе
диду?” Он дуже урадовался, што я до нього по-русскы го-
ворю, и пытался, ци я русский. Я кажу, што так, тилько
што я родился под Австриом, в Венгрии, але мой отец
русский и мама.

— Але ци ты из робочой кляссы ци из богатой? — пы-
таеся он.

— Из робочой, — отповіл я.

Он заплакал и каже: “А чому же ваши солдаты идут
и нас робочых мордуют и забирают от нас все? Подивить-
ся, тут нас ест больше тысячи фамилий, а всі робили зме
на земли одного поміщика и за так малу платню, што не
могли ничего заробити, лишь за то, што зыли, але и то ще
не дуже добре, а на шматы то ся не оставало много. . . . То
я тут роблю уж 60 літ, и ничего не маю, лем тоты стары
шматы, што на мені, а хата то не моя. И маю двоих сынов,
то мусіли ийти оба на войну. Оден убитый в Карпатах, а
за другого не знаю ничего, таке вот мое жытя.”

И плаче передо мном старец. Я хочу потышити го и
кажу: “Е, чого плачете?” А он гварит: “Як не плакати,
коли нема ни сынов, ни хліба, ни грошей. Принюс я пару
міхов пшеницы из фольварку, то мусіл назад отнести.”

Я ся пытаю його: “А што вам казали большевики?”
Он смотрит на мене уважно и каже: “Ей богу, не знаю,
кто вы ест, боюся вам сказати, што маю на сердци, бо мо-
же мене несчастя найти.” Я говорю му, штобы не боялся
дуже мене, бо я из русского роду и в сердци чувствую його
горе, як бы мого родного батька, а тоты другы воякы,
што были со мном, не розуміют по-русскы. Он осмілился
и каже:

“Большевики то робочы сыны и они казали правду,
же тоты наши неприятелі, што нашу кров пьют, кодло гадю-
че. Подивиться, нас тут поверх тысячи фамилий работа-
еме цілый свой живот, но ничего не маеме. А тут одна фа-

милия буржуазна потрафит прогуляти больше, як нас тысяча фамилий. И большевики нам то выяснили, дячего мы так тяжко робиме, а нич не маеме, и мы ся дуже тишыли, што уж будеме робити на себе, што всьо буде наше, и што дармоіды уж исчезают и робочы будут жыти в счастью, а вот што ся стало. Тут Австро-Германия, и батюшка казал, котрый с вами пришол, што всьо мусиме назад отдати, што розобрали из фольварку."

Я сказал ще старику, што и мы всі робочы, лишь наши офицеры то ся дуже боят, штобы мы не сходилися с русскими робочыми и с ними не розмовляли. И так мы ся розышли.

Приходиме назад до міста и я помалы всьо своим приятелям росповідаю. Але дивимеся, а там купа людей горнеся: гайдамакы на конях и пішки, и наши офицеры и батюшка идут с том купом. И видиме, в середині тягнут одного чоловіка два гайдамакы — оден за волося, а другий за руку, и шматы цілком чорны от крови и от пороху. Питаемсея, кто сей чоловік и за што його так бьют. И повідают одны, што за то, што он не вірит в бога; другы казали, што он большевик; третьи объясняли, што он не хотіл ийти с гайдамаками убивати большевиков.

И оттягли того чоловіка за місто. Там два гайдамакы злапали того чоловіка за ноги и за руки, а два стягли с него шматы, и на голе тіло, на задок, почали бити желізными палицами, так што тіло цілком росторгали. И як уж ся не рушал, то оден до головы, а другий до сердца прострілили його и ищы попробивали.

Потом оден из тых гайдамаков выголосил, же с каждым так зробят, кто ся отважит не послухати нашего росказу. И думаю собі: "Вот яка правда, русский русского убивае, а австрийскы офицеры ся сміют!"

Але не минуло пару дней, як одной ночи злапал ктоси нашего одного офицера австрийского и отрубал йому голову и положил на оден патик до плоту и написал на папери: "Не пхайте ваши брудны руки до наших внутренних діл, бо така нагорода чекае каждого, кто проливае невинну кровь."

На рано повстало велике замішаня, офицеров обгорнул великий страх, и слідующей ночи всі офицеры охабили

свои панскы мешканя и пришли меже нас спати до великой комнаты. И почали с нами школу тримати, як ся маеме тримати, же тот народ дуже небеспечный. Мы кажеме, што лучше буде, штобы нас не посылали отбрати от людей назад того, што забрали от панов, бо тоты люде казали, што им всьо равно, як от них отбирают продукта, то так, як бы отбериали жытя, бо они не мают, за што купити, а они робили на тоты продукты.

И нашы офицеры, як почувли, што мы говорили, то уж почали змінитися. Мышліли долго и цалком засмутилися.

И пошли мы дале, до Никополя, на Дніпер. Там нас не пустили до міста, то три дни тримали місто большевики, и дуже богато было убитых на обох сторонах. И злапали 13 вояков наших и одного фендриха, то написали всіх имя и отрізали того фендриха голову и положили на одну паль високу и охабили надпис, што всім воякам поводится добре, а кто хоче пити роботничой крови, то так йому ся отплачує.

И сталося то в септембру, як уж хорваты ся збунтовали, то ктоси доповід о том и нам. Коло нас недалеко мешкали на одном фольварку нашы воякы 101-го регіменту, и там было богато русских из Мармароша, и они ся дуже заинтересовали, што русскы солдаты ся дознали, што то ест угрорусский баталион, хоц были и помішаны, то им штоси послали, якийси лист, але зрадников всяди не бракує, то и там ктоси зрадил, што они хотят зробити бунт. И злапали одного капраля и вывели за місто, то сам генерал Пихлер осудил його росстріляти без того, абы йому дали одно слово сказати.

Але за пару неділь уж говорят, што поїдеме назад до Австрии, бо там біда. Гайдамакы почали бліднути, и не бачили мы, коли счезли ищы перед нами.

То я мал ще счастья, бо наш транспорт ишол первый из России, то нас никто ще не рушал, але послідны транспорты то казали, як пришли до дому, што жены и малы бойсы стояли на станциях с оружием, с машингверами, и русских пару солдат, то цілый транспорт застановили и всьо забрали от них, лем у сподньому шматю их пустили.

Так было по Україні. Не задурно называли якогоси Скоропадского, бо ани одно літо не могла постояти самостійна, так скоро упала.

Но и мы счастливо приїхали до Темешвару, а там уж не хочеме дале идти, але жадаеме грошы, што зме мали достати в Росии. Но наш комендант почал просити, што уж война ся скоро скончит. И богато пошло собі до дому, и за пару дней война ся скончила.

III

Но и пришол я до дому, а за пару дней пришли чехы. И якы наслідкы были из той войны?

Як я ишол на войну, то я охабил жену и отца, братов и сестры, а на господарстві 4 коровы, 30 овец, 3 коні, а як ся вернул из войны, то уж не нашол ничего. Отец помер, войско всьо забрало, бо три місяцы коло села была велика битва, што пару тысяч убитых было лиш коло нашего села. Каноны то такы ямы поробили по луках, што на вікы буде знати, же там война была. И тут нема ничего. Одну стару корову лишили, 18-рочну, а істи то ничего — всьо знищене.

И так треба шукати штоси істи. Але не было близко, то люде ишли на 70 километров пішки и оден бушель пшеницы або кукурицы на плечах несли, ищы ся крыли, бо як чехы злапали, то забрали всьо, и не мал права никто ничего казати.

Минуло пару роков, и почалися и другы наслідкы показувати. Текса за тексом, то-ест податкы, же уж не мож выплатити. И так я ся зачал до Канады готовити, бо виділ, што там нема за чым чекати.

Написал я по паспорт, а ту прийде мені от финансовой дирекции из Кошиц, штобы платити 9 тысяч корон, то-ест на амерканскы грошы — 300 доляров. Но и я забираю тоты паперы и иду сам до Кошиц — а доста от нас далеко, 100 километров. Прийду там и пытаюся, где ест тот канцелярия, то посылают мене из одной до другой канцелярии, аж доки не пришла 12 година, и тогда каже оден, што то уж днес поздно, прийдеш на завтра. Я йому кажу: “Слухай, я уж 2 дни из дому, я пожычал грошы на дорогу и я хочу сказати свою справу. Нас ест 8 до того маетку и я хочу заплатити за свою частку и хочу, штобы вы подписали мой паспорт”. А он каже, же я найстарший, то я мушу заплатити за всіх, а они мені мусят заплатити кажде.

И не было помочы. Мусіл я пожычати грошы и за-

платити всі податки. И платил каждого року от 1919 до 1926, то выше 28,000 корон, около 800 долларов, треба было заплатить.

И поїхал я до Канады, а мои браты zostали дома троме, то всі по два roky служили при войску. И тепер знова там знайшли якуси подать, то уж пишут, штобы приїзжати, или будут секвестровати. Як не заплатят 2,315 корон, то продадут всьо, так просят браты, штобы им помочи. Но, але и я уже три місяцы не роблю, то не могу им помочи.

И я им писал, штобы писали до Президента Масарика, же за то мусят платити такую сумму, бо служили по два roky каждый при войску, то мусят за то горько заплатить.

Так заберут нашего отца маеток за податки, и тут ест нагорода за мои муки, што штыри разы из мене кров стекла. За штыри и пол рока я ся мучил, а тепер продадут мойого отца маеток.

IV

И тепер дакто скаже, же треба свою краину боронити! И се я всім роботникам выяснял, с котрыми робил за минулых пару роков, и всі головами крутили, што дуже добра наука.

Так и тепер пытаются, што я думаю о войні, и я отповідаю того, што я тут написал. Но то можно ани 10 процент нее написано, што я сам пережил на минулой світовой войні. И я вам кажу, што тотая война, што приїде, то буде штоси страшного, што чоловік не може своим розумом поняти. И написати не можно всьо, бо ищы не ест тот час, але теперішне угнетаня то ест добра наука, штобы робочы ся троха научили, же кто ест их приятель: ци тот, што пару тысяч миль мешкае от него, ци тоты, што за податки продадут му ищы и того, што його отец йому лишил, и выкинут из гавза на стриту, або на улицу, в найбільшу зиму?

То ест дуже файно для темных, штобы их збудити от сна, бо их дуже заморили, кадилком закурили и дзвонами заглушили, и иншого лікарства нема на таких, штобы их зобудити, только выкинути на мороз, то он ся сам зобудит и побачит, же где он ся находит, и такому уж можно сказати, ци ся файно спало.

Но и тепер мои сполуроботники пытаются, што бы я

казал, як бы тепер война ся почала. Я бы всім роботникам казал, што зо мною ся стало, як мене страшно окламали цар и священники, котры всьо обіцали, а ту вот, што я достал! И уж мене больше не скламле никто с войном, штобы бідного пошол убивати, бо я хочу бідному помагати.

Але оден каже: “Ты бы так не мудрувал, як бы пришла война, але ты бы мусіл ийти.” А я йому отповідам, што як бы я сказав, же не пойду, то бы не вартало нич, але як бы мы всі робочы спыталися, за што мы мусиме ийти убивати других робочых, бо если дакто має якуси справу с другим, то най иде сам, так и цар, если он має якус справу с другим царем, то он може оден другому поробити чорны очы, а если бизнесмены, то-ест миллионеры, мають якус справу с другими бизнесменами, то само так най они идут и ся файтуют, а мы робочы то найостатнійшы, то чому они нас наперед женут, штобы мы другого робочого убивали?

Се ест наша несвідомость, што оден другого не розуміеме, и за се терпиме. Подивтеся по світу, як робочий народ страдає по цілому світу, а тоты, што ничего не робят, то як роскошно собі гуляют. Только што уж приближаєся тот час, што буде дуже великий плач, якого никто не памятає, и на се мы всі роботники, без ріжницы народности и набоженства, повинны уважати и одны другим выяснювати, а найбільше тым молодым, котрым оружие дуже велика радость, штобы они порозуміли программу робочу, як и Христос казал, же любите оден другого, а прожете гет далеко от себе кламцов, котры нам всьо обіцуют, але ничего не сполняють.

Мені казал старый Франц Юсиф в 1914 року, што по войні “злате часы” будут, а ту подивтеся, можно, же сте читали в газетах, як во Відню оден чоловік с женом ишол по головной улици голый, а шматя свое то закрутили до папера и положили надпис, же на продай, и так их полиция заарештовала, то казали, же уж не мають што продати, а голод дольше не можут терпіти. И вот сполнилися царскы слова: “злате часы” уж ту! Пару тысяч роботников росстріляти во власных домах, то дуже “злате часы” настали.

Так мы роботники мусиме уважати на се, ниякым обле-стникам, што нам солодко говорят, не вірити, але подиви-

тися на його діла, чи оң то робит, што говорит, бо ест дуже вельо зрадников, а на них треба дуже уважати, бо лем по його ділах можно чоловіка познати.

А найлучше чоловікови може пояснити якус справу газета в його родной мові, и на се маеме газету "Лемко", што каждый може легко порозуміти, хоң ниякы школы не посідае, и може отповісти правду в очы, же он ест робочий и иде за правдом, не жадае чужого, але домагаеся того, што йому правом належится.

Кто был в России в 1918 р., то може пояснити, што там ся стало. Як ся роботництво споіло докупы, што зробили с неприятелями: хоң были наоколо окружены, а и в середині было доста неприятелей, но як ся роботники порозуміли, то так всі капиталистичны войска утікали от силь и злости русского народа, што аж курилося за ними — одны на выход, другы на заход. Мой братанец то был в чешской дружині, то он росповідал, што ся с ними діяло, заким захоронили свое жытя во Владивостоку, што их японскы "бовты" перевезли до Шанхаю. То им дали пару сто красивых русских коней, то як бы были не достали "бовта", то там были бы их знищили робочы. Як пришло до боя с робочыми, то грошы не вартали ничого, бо каждый казал, што мі по грошах, як мене убьют, и втікал, хоронил жытя, а робочы не за грошы, але за жытя свое воювали, то у них не было страху, бо у них грошей не было. Они знали, што як выженут дармоідов, то будут мати свободу.

Добре за грошы воювати, доки не прийде жытя класти, але як увидит свого приятеля лежати в крови, без руки або без ноги, то отразу отпаде йому охота на грошы и лем буде хотіти жытя свое заховати. Но але ци му ся подарит, ци му роботники пребачат, то уж на них залежит. Єсли он добровольно ишол против робочой кляссы и знал се, то йому отплатят, што йому ся належит, а єсли он завчасу пристане к робочым, то робочы николи не жадают знищити робоче жытя.

На се молодым воякам добре треба уважати, бо революция то ест штоси страшного, бо голод и злость не мают жадного страху ани жалю. И се ест найважнійше, штобы роботникам порозумітися и подати помоч оден другому.

Иван Яцощ,
из Паризовец.